СВЕТ ЕГО УЛЫБКИ

Труд. - 1994. - 5 янв. - с. 5.

Памяти Фрунзика Мкртчяна

Мимино остался в одиночестве — знаменитый актер Мгер (Фрунзик) Мкртчян ушел от него и от нас. И ушел навсегда. Я его встречал частенько, благо он жил в двух шагах от корпункта «Труда». То был и вправду счастливый день, потому что артист вызывал улыбку одним своим добрым обликом. Мы договаривались об интервью для нашей газеты. Один «раунд» беседы уже состоялся. С диктофонной кассеты успел перенести на бумагу, увы, только короткий фрагмент, ибо метры магнитной ленты переполнены смехом. И улыбкой — но ее не фиксирует аппарат.

Берем и старые записи. Помню, год назад я договаривался через брата, известного кинорежиссера Альберта Мкртчяна о встрече с артистом в больнице, где он долго лечился. На следующий день приехал туда: оказалось, что ночью его прооперировали и чудом спасли от смерти. Зато потом с женой Мгера Мушеговича искали дефицитное лекарство.

Он поправился, и мы снова встретились в его новом театре. Я признался, что готовлю материал о нем под заголовком «За минуту до смерти» и даже придумал первую фразу. Собеседник спросил: «Какую?» Я по памяти произнес: «Очень интересно писать о том, как умирает самый веселый человек». Он улыбнулся и добавил: «А потом весжил». Но — вот отрывки последней беседы с М. Мкртчяном.

— Давайте разберемся: вы — Фрунзик или все-таки Мгер?
— Родился Фрунзиком. В ту пору мальчиков нередко нарекали именами героев гражданской войны либо именами шекспировских персонажей — Чапаев, Гамлет, Офелия... Однажды за кулисами великий трагик Рачия Нерсисян, сузив синие глаза, поманил меня, тогда молоденького артиста, пальцем: «Э, как тебя там, Котовский, подойди-ка».

Друзья прекратили постоянное подтрунивание и окрестили армянским именем Мгер. Но и тут вышла заковыка. Русские приятели намеренно оговаривались: «Мигера», да еще фамилия моя с пятью согласными подряд...

— Что вы делаете, когда чего делать?

— Думаю, что делать.

— Тяжела ли шапка популярности?

— Я ненавижу важных скромников. Приятно, когда узнают на улице, здороваются незнакомые люди. Даже без очереди к прилавку пропускают, а продавцы и такое случалось! — денег не берут за товар. Я слышал, как два парня, не замечая меня, громко переговаривались: «Пойдем завтра на футбол? Говорят,

на стадионе и Фрунзик будет».

Год назад я побывал в Ленинграде. У выхода из гостиницы меня обступила толпа любителей кино и стала просить автограф. Я, конечно, с удовольствием расписываюсь в протянутые блокноты и открытки. Тут одна женщина кричит: «Вы что без очереди раздаете автограф! Товарищ артист, соблюдайте порядок».

Русскую публику я люблю. Уверен, что с развалом Союза я не потерял российского зрителя. Приятно, черт побери. Вообще талант, тем более на популярном поприще, не принадлежит тебе — он народу принадлежит.
— От великого до смешного всего лишь шаг...

— Можно это повернуть в русло актерского амплуа. Знаменитый русский режиссер кричал в рупор на съемке: «Вы посмотрите в глаза Мкртчяна, он же трагик!»

Не ищите строгой демаркационной линии между смешным и грустным. Мир и человек, живущий в нем, слетены из противоречивых чувств. Комедия вытекает из трагедии и наоборот. Жизнь и смерть, любовь и ревность, подлость и благородство — они живут, сосуществуют вместе в одном человеке. Мир — трагикомедия! Вы соблюдайте за отпетым мерзавцем, когда он гладит щенка или балуется с внуком.

Несчастье, если актер занят только в трагических ролях. Между прочим, великий Ваграм Папазян прекрасно умел смешить. Слава Богу, Юрия Нику-

лина стали пробовать на драматические роли. Люблю работать с Георгием Даниэля: он знает актерскую душу. Охотно снимает в фильмах родного брата — Альберта Мкртчяна.

— В азербайджанских картинах снимались?

— Да. В какой-то ленте предложили эпизодическую роль инвалида войны. По сценарию должен входить к какому-то начальнику, долго объяснять, что я фронтовик, добиваясь чего-то, короче — права качать. Я сказал режиссеру: «Слушай, друг, получается образ жалобщика-зануды. Давай переиначим». «Давай», — говорит. Ну я и придумал: резко открываю дверь и, глядя на начальника, двумя руками приподнимаю ногу — война...

— Истати, события последних лет все смешали.

— Да, и мы, артисты, подались в политику. Я их не осуждаю, если могут совместить искусство и политику — ради Бога. Но ведь не стали депутатами, не предлагали себя в президенты ни я, ни Смолтуновский, ни Даниэля... Тут что-то есть, согласитесь.

— История повторяется дважды — сперва как трагедия, потом как фарс...

— Думаю, сегодняшняя армянская действительность не составляет исключения. На сцене ее можно будет разыграть в жанре политической сатиры. Как-то попросили меня вывести из голодовки одного парня. К нему подходили разные люди, уговаривали, увещевали. При этом приводили какие-то исторические имена, произносили святые слова. А я подсел к нему и говорю по-свойски: «Брат, ты не слушай их, держись до последнего!» Он мне жалким голосом: «Не могу я больше — у меня язва желудка».

Чем не сюжет для короткометражки? Что это — высокая трагедия или бытовой факт? И то, и другое.

...Мкртчян был не только народным артистом Армении, Грузии и СССР, но и поистине народным человеком. Несколько десятилетий нас радовала его добрая улыбка. Мкртчян так долго веселил, что простим ему скорбь, которую он нам доставил своей смертью. Мы нахохотались. Уместно сказать — до слез.

...Похоронили Мкртчяна в национальном пантеоне, где покоится прах великих сынов армянского народа, рядом с Арамом Хачатуряном, Мартиросом Сарьяном, Вильямом Сарьяном...

Карен МИШИКЯН,
соб. корр. «Труда».